

ИСТОРИЯ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЛОКАЛЬНЫХ ГИБРИДНЫХ КОНФЛИКТАХ В 1999–2008 ГОДАХ

Д.О. Чураков

Аннотация. В статье рассматривается история участия Российской Федерации в локальных гибридных конфликтах, продолжавшихся или возникших в начале XXI века. Вскрыто, что современные локальные конфликты могут иметь как ограниченное, так и глобальное значение. Локальные конфликты второго типа порождены противостоянием цивилизационных центров силы. Несмотря на свой, казалось бы, локальный характер, они отражают борьбу за перераспределение сфер влияния между центрами силы в эпоху глобализации. Кроме того, в статье отмечаются важные перемены в современном стратегическом искусстве ведения войн. На рубеже XX–XXI веков локальные войны приобретают т.н. гибридный характер. Гибридные войны современности ведутся с применением разнообразных методов и средств, таких как «мягкая сила», информационное воздействие, терроризм. При этом вооруженный компонент ведения войн сохраняется либо как применение силы, либо как угроза ее применения. Автор приходит к выводу, что в XXI веке характер участия Российской Федерации в локальных конфликтах изменился: от пассивной, сугубо оборонительной тактики российское руководство перешло к более гибкой и активной тактике.

Ключевые слова: глобализация, сферы влияния, многополярный мир, локальные конфликты, гибридные войны, вооруженные силы, терроризм, мягкая сила.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00621 А: «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты».

© Чураков Д.О., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE HISTORY OF THE RUSSIAN FEDERATION'S PARTICIPATION IN LOCAL HYBRID CONFLICTS IN 1999–2008

D.O. Churakov

Abstract. *The article deals with the history of the Russian Federation's participation in local hybrid conflicts that continued or emerged in the early XXI century. It is revealed that modern local conflicts may have both limited and global significance. Local conflicts of the second type are caused by the confrontation of civilization centers of power. Despite their seemingly local character, they reflect the struggle for redistribution of spheres of influence between centers of power in the era of globalization. The article also notes important changes in the modern strategic art of warfare. At the turn of the XX–XXI centuries local wars acquire the so-called hybrid character. Hybrid wars of our time are conducted using a variety of methods and means such as “soft power”, information impact terrorism. In this case, the armed component of warfare is preserved either as the use of force or as a threat of its use. The author concludes that in the XXI century, the nature of the Russian Federation's participation in local conflicts has changed: from passive, purely defensive tactics, the Russian leadership has moved to more flexible and active tactics.*

Keywords: *globalization, spheres of influence, multipolar world, local conflicts, hybrid wars, armed forces, terrorism, soft power.*

Последние десятилетия ознаменовались целой чередой локальных конфликтов в зоне исторической ответственности России. Существуют различные подходы к классификации такого рода локальных кризисов и войн. Так, с точки зрения масштабов влияния на ход мировой истории, их можно разделить на две группы. В первую группу входят конфликты, вызванные проблемами во взаимоотношениях между двумя или несколькими странами на местном или региональном уровне. На международную ситуацию они влияют опосредованно. Ко второй группе относятся те локальные конфликты, которые на самом деле порождены противостоянием на глобальном уровне: они отражают

борьбу за перераспределение сфер влияния между мировыми центрами силы. В настоящий период истории, основным содержанием которого является глобализация и повышение роли общечеловеческих ценностей, данные локальные конфликты рассматриваются как форма институционализации гибридных войн, т. е. войн, которые целенаправленно ведутся с применением различных видов давления от технологий мягкой силы до вооруженных вторжений и терроризма [1, р. 289–292]. При этом важными элементами гибридных войн являются как угроза применения силы, так и само ее применение (хотя часто целью атакующей страны является как раз не доводить дело до вооруженного столкновения,

ограничившись лишь действенными угрозами). Использование ненасильственных методов в гибридных войнах качественно отличается от использования аналогичных методов в прошлые десятилетия. Возможность их эффективного применения появилась только на рубеже XX–XXI веков, что связано с развитием новейших коммуникационных систем и СМИ. Отдельные элементы гибридных войн существовали и прежде. Однако именно в XXI веке они приобрели свой законченный характер, перелистнув прежнюю страницу истории вооруженных конфликтов прошлого [2, р. 9]. В силу сказанного на данном историческом этапе гибридные войны и военно-политические конфликты можно определить как особую форму глобальной экспансии Запада, с целью достижения и удержания его доминирования над окружающим его миром — включая историческую Россию — в эпоху новейших технологий.

Несмотря на то, что военно-политическая проблематика во все времена относилась к числу закрытых, и архивные материалы, связанные с ней, попадают в спецхраны на долгие десятилетия, имеется достаточный комплекс материалов для изучения и самого явления локальных гибридных войн, и история участия в них Российской Федерации (РФ) в годы ее становления как самостоятельного государства. К их числу относятся многочисленные источники личного происхождения, такие как мемуары, дневники и переписка непосредственных участников событий. Важным источником по детализации истории участия РФ в локальных гибридных конфликтах является

ся пресса. Еще более сложны, но одновременно информативны видеосюжеты и, конечно, Интернет. Основная проблема при работе с данными источниками заключается в необходимости отсеивать т. н. «белый шум» или «информационные шумь», сопровождающие каждое важное событие в современном мире, но методы исторической науки, источниковедческая критика позволяет вести качественную обработку всех названных источников, выделяя достоверную информацию, пригодную для выводов и обобщений.

Актуальность изучения исторической динамики противодействия РФ локальным конфликтам и гибридному давлению отразилась в быстро растущей историографии данной проблематики. При этом следует отметить, что интерес к теме проявляют не только отечественные, что естественно, но и зарубежные авторы. Хотя единого понимания затронутого нами вопроса в науке политической и военной мысли все еще не существует, коллективными усилиями ученых разных стран и направлений начинает воссоздаваться целостная картина деятельности российского руководства в геополитическом противостоянии в современном глобализованном мире. Рассмотрение имеющегося на данном направлении историографического задела — задача отдельных исследований, которые уже ведутся [см.: 3–5].

В данной же статье ставится задача выделения наиболее значимых локальных конфликтов, которые в интересующий нас хронологический период стали элементами гибридного давления на Российскую Федерацию со стороны его геополитических

противников. Одновременно решается задача определения основных мер руководства Российской Федерации по противодействию данному давлению. Все это позволит достигнуть главной цели данной статьи, а именно определить два основных подхода российского руководства к локальным гибридным конфликтам и результаты каждого из них. Статья не закрывает всех существующих вопросов по истории участия Российской Федерации в локальных конфликтах в указанный период, но полученные в ней результаты могут быть использованы для освещения целого ряда смежных вопросов, таких как вопрос об этапах развития российской политики в горячих точках и проблемных зонах в 1989–2019 гг.; периметры безопасности Российской Федерации с точки зрения локальных и войн; время зарождения, направленность и периодизация такого исторического явления, как гибридные войны, его природа и причины возникновения, а также целый ряд других актуальных вопросов.

Статья не ставит задачи рассмотреть элементы «гибридизации» в каждом конкретном затронутом в исследовании конфликте. Автор исходит, во-первых, из того, что *гибридный характер всех приведенных примеров проистекает из общего корня, а именно из того, что все они являются элементом гибридного давления на Российскую Федерацию с целью слома существующего в ней политического и экономического устройства, ослабления ее политического веса в мире и подрыва военной мощи*. Во-вторых, автор исходит из предположения, что читатель уже находится в теме изучения феноме-

на гибридных войн и для него не требуется излишняя детализация некоторых процессов в тех горячих точках, о которых заходит речь в статье, тем более, что в рамках одного, даже более крупного исследования, сделать невозможно: каждый приводимый в статье локальный конфликт заслуживает отдельной монографии, и даже не одной, что на самом деле мы и видим (см. указанные выше статьи по историографии вопроса).

Первое, с чем исследователям, политикам и рядовым современникам событий приходится иметь дело при решении поставленных в статье научных задач, — это *двойственное положение России в мире*: несмотря на свое ослабление после 1985 г., она, в силу обладания ядерным оружием, богатыми ресурсами и человеческим потенциалом, смогла сохраниться в качестве одного из мировых центров силы. Тем самым РФ не утратила возможности проведения самостоятельной военной политики, но, растеряв многих союзников и значительные территории, вынуждена была действовать осторожно в возникавших внутри нее и в сопредельных странах конфликтах, чаще всего оборонительно. После внутренних политических кризисов 1991 и 1993 гг. сил хватало только на то, чтобы, в лучшем случае, заморозить конфликт, отложить его решение до «лучших времен». Опасность такого подхода таилась в том, что другие задействованные в конфликте глобальные игроки не стеснялись действовать более инициативно.

Последствия и рецидивы пассивной практики в локальных конфликтах проявили себя в XXI веке. Примером могут служить действия РФ в 2000 г. в Афганистане, в 2003 г.

в Ираке. *Отголоском пассивной линии середины 1990-х гг. может считаться конфликт в Ливии.* Казалось бы — Ливия находится далеко. Какое отношение тамошние события имеют к России? Оказывается — прямое. Еще после Второй мировой войны СССР должен был получить мандат на управление какой-то частью поверженной фашистской Италии. Предполагалось, что это, возможно, будет Триполитания. Холодная война не оставила шансов на реализацию этих планов Москвы, но позже Ливия и СССР смогли сблизиться. В основу сближения легли как политические, так и экономические интересы двух стран, между которыми оказалось много общего. С современной РФ у Ливии имелись общие коммерческие интересы в сфере добычи энергоносителей. Так что удар по Ливии в 2011 г. не мог не срикошетить по российским интересам.

Готовясь к вторжению в Ливию, Запад 17 марта 2011 г. инициировал принятие резолюции Совбеза ООН № 1973. Формально в ней шла речь о бесполетной зоне над Ливией, но по факту — резолюция открывала Ливию иностранному военному вмешательству. Являвшийся в тот период президентом РФ Д.А. Медведев дал команду российскому представителю в ООН воздержаться при голосовании по данной резолюции. Результатом ошибочных действий Кремля стали падение дружественного режима, гибель М. Каддафи, потеря выгодных контрактов с ливийской стороной. Сама Ливия превратилась в пылающую точку на карте мира, инкубатор терроризма [6, с. 290, 294].

Пассивность проявлялась в шагах РФ и на постсоветском простран-

стве, например, в 2003 г. в Грузии. По каким-то причинам американцев в этой стране перестал устраивать лояльный им президент Э.А. Шеварднадзе. На его место был выдвинут политик новой генерации — М. Саакашвили. Он и стал героем т. н. «революции роз». Был задействован опробованный прежде в Сербии сценарный цветной квази-революции. В качестве ее спускового механизма были задействованы выборы. Речь идет о выборах 2 ноября 2003 г. в грузинский парламент. На следующий день после оглашения их итогов оппозиция призвала граждан не признавать выборы, а действующую власть подать в отставку. Устами своих наблюдателей, контролировавших выборы, не признал их результаты и Запад. Саакашвили потребовал новых выборов, его позиция получила поддержку на Западе и внутри самой Грузии. Для придания своим требованиям большей убедительности он призвал сторонников выйти на улицы.

Призыв оппозиции оказался не слишком популярным. В беспорядках приняла участие незначительная часть избирателей Грузии. В самый разгар «революции роз» в манифестациях участвовало лишь 35 тыс. из 4,5 млн. жителей страны [7, с. 618]. Но этого хватило, чтобы 23 ноября Шеварднадзе признал поражение. Этому предшествовал ночной захват оппозицией парламента. А на прошедших президентских выборах в январе 2004 г. Саакашвили одержал уже безоговорочную победу.

Наиболее показательным примером выжидательной тактики действий в локальных конфликтах, вырвавшейся из опыта прежней, «kozyревской» внешней политики,

становятся украинские события. В Российской Федерации некоторые аналитики с точки зрения мир-системного подхода склонны рассматривать события на Украине (так же, как и на Кавказе) в терминах «возобновления Большой игры»¹ [8, с. 78–83]. Для России украинское направление на постсоветском пространстве было самым важным и одновременно самым сложным. Здесь приходилось противостоять напрямую самому могущественному игроку на международной арене: на передний план на Украине выдвигались НАТО и США [9, с. 179]. Коллективный Запад откровенно преследовал цель оторвать Украину от России, а если получится — то и противопоставить ей.

Руководство РФ, так же как в свое время советское руководство, делало ставку на историческую общность и хозяйственные связи с Украиной. Нефть, газ, тяжелая промышленность, закупки сельхозпродукции — вот что виделось в качестве опоры российского влияния на Украине. В это же время американцы делали упор на подкуп верхов украинского общества и агрессивную проповедь «западных ценностей». В конечном итоге тактика, избранная Соединенными Штатами, оказались предпочтительнее. Следствием слабости российской позиции и просчетов российских политтехнологов стала «оранжевая революция» 2004 г. Сам цвет революции (по-украински — помаранчевый), как и многое другое в «украинском национализме», просто

был скопирован у поляков, которые еще в 1930-х гг. представляли Советский Союз сталинского периода неким «помаранчевым» апельсином, который, при определенном усердии, можно, как им хотелось верить, раздробить на обособленные дольки.

Как и во многих других странах, на Украине смена власти была приурочена к выборам — это, можно сказать, классический прием проведения аналогичных политических атак на страну-жертву [10, с. 37]. Первая украинская оранжевая квази-революция готовилась практически совершенно открыто. Сведения о предстоящем просочились даже в прессу. Еще 11 февраля 2004 г. в газете «Уолл-стрит джорнэл» появилась примечательная публикация. В ней отмечалось: «Украина имеет замечательный шанс повторить грузинский успех народной демократии, но при условии, что Запад и демократическая украинская оппозиция правильно разыграют свои карты» [11, с. 213].

На выборы шли два кандидата. Первый — действовавший премьер-министр В.Ф. Янукович. Он опирался на поддержку ушедшего президента Украины Л.Д. Кучмы. Поскольку считалось, что Янукович опирается на регионы Востока Украины, его воспринимали как пророссийского кандидата. С российскими верхами у него действительно имелась некоторая общность интересов, лежащая в сфере бизнеса. Его оппонентом выступал В.А. Ющенко, который в недавнем прошлом тоже являлся чле-

¹ «Большая игра» (“The Great Game”). В России чаще употреблялось другое название того же явления — Турнир теней. Под «Большой игрой» в XIX веке дипломаты и военные понимали соперничество России и Англии в тех частях мира, через которые шли пути в Британскую Индию и на сопредельных с ними территориях, в том числе в Черноморско-Кавказском регионе.

ном команды Кучмы, но своевременно покинул тонущий корабль.

Оба кандидата, по сути, являлись представителями одного и того же слоя чиновников и олигархов. Но происходила определенная сортировка и борьба: а именно шло соревнование технологий «административного ресурса» с технологиями «бархатных переворотов» [12, с. 314]. Победа досталась глобалистам. Хотя во втором туре Януковичу удалось набрать больше голосов, ни помаранчевая оппозиция, ни Запад его итогов не признали. Янукович согласился на «третий тур» выборов — как бы на повторный второй тур. В нем шансов на победу у проявившего слабость кандидата уже не оставалось.

Украинские события 2004 г. испытали на себе сильное влияние «цветных революций» в Сербии и Грузии [13, с. 96]. В условиях оранжевой квази-революции использовались все те же, знакомые по Сербии и Грузии, методы, средства, а часто — и люди. С привлечением деятелей из сербской оппозиционной организации «Отпор» и грузинской «Кхмарь» образовался их местный аналог — организация с многоговорящим названием «Пора!». Давление на власть велось как изнутри, так и через западную прессу, по линии посольств, общественных фондов, неправительственных организаций. Единственным, но важным нюансом стало появление многоголосого палаточного городка в центре столицы и неологизм — слово «Майдан». Российская власть ничего не смогла

противопоставить оранжевым технологиям, применявшимся на Украине. Похоже, она так и не разобралась в их сути даже к тому времени и оказалась совершенно не готова к нежелательному для нее развитию событий. Даже ирредентистское² движение на Донбассе, во многом подконтрольное в тот момент родственным Януковичу чиновничьими и олигархическими кругами [14, с. 27], Кремль даже не попытался использовать ни в интересах своих украинских союзников, ни в российских национальных интересах.

Однако уже на рубеже XX–XXI веков в действиях РФ на международной арене появляются новые акценты. Это выразилось в переходе от пассивности к энергичным действиям по защите своих интересов на некоторых направлениях внешней политики. Новые настроения в руководстве РФ проявились, пусть еще в несколько половинчатом виде, уже при «позднем Ельцине». Поворот этот был продиктован — помимо прочего — ростом патриотизма в российском обществе. Кроме того, более решительной и независимой стала позиция первого российского президента. Эти перемены проявились, как представляется, уже в югославском конфликте 1999 г.

В РФ интервенция НАТО против Югославии вызвала волну негативных настроений. Даже у тех, кто верил в возможность интеграции России в НАТО, начали появляться сомнения в перспективах сотрудничества. Особый подтекст действиям

² Ирредентизм — политика, направленная на воссоединение разделенного народа, этноса или нации в едином государстве. Выражается в воссоединении территории, на которой проживает народ, с государством, где он является титульной нацией и/или составляет большинство. В данном случае по отношению к Донбассу можно говорить как о русском, так и условно советском ирредентизме.

натовцев придавало совсем недавнее вхождение в альянс бывших стран-членов Организации Варшавского договора: Польши, Чехии и Венгрии. В НАТО шло создание новой Стратегической концепции, согласно которой альянс мог действовать без мандата СБ ООН и за пределами своей «зоны ответственности». Некоторые представители западных военно-политических кругов не скрывали, что давление на сербов — это предупреждение русским: не смейте сопротивляться нам [15, с. 369].

Ответ российских властей стал, может быть, не особенно эффективным, но весьма эффектным. Так, большой резонанс в мире получил поступок тогдашнего премьера Е.М. Примакова. 23 марта на самолете он направлялся через Атлантику на официальную встречу со своим американским коллегой А. Гором. Но, получив сообщение об американском решении бомбить сербов, он распорядился развернуть самолет прямо в воздухе. В США поступок Примакова был встречен с большой озабоченностью. Американцы просили не сообщать прессе действительную причину «разворота над Атлантикой». Но Примаков и в этом вопросе проявил принципиальность. Он полагал, что агрессия НАТО сыграет роковую роль в диалоге Запада и России [16, с. 123–124].

Другим важным эпизодом того времени стал бросок отряда российских десантников на Приштину. Его причиной стал отказ натовцев выделить российским миротворцам отдельную зону ответственности в сербском крае Косово. Не согласившись с позицией НАТО, высшее российское политическое руководство поручило военным вмешаться в события. Сначала

небольшому отряду ГРУ было приказано установить контроль над Приштинским аэропортом. Приказ был исполнен столь профессионально, что о присутствии российских бойцов практически никто из посторонних даже не догадывался. А 10 июня 1999 г. приказ на выдвижение поступил отряду десантников из состава контингента миротворцев в Боснии и Герцеговине. К 7 часам утра 12 июня они завершили свою часть операции столь же успешно. Планы НАТО по использованию аэропорта для переброски своих войск оказались расстроены.

Умение проявлять самостоятельность в том же году от нашей страны потребует и при защите собственной территории. Эпицентром переломных событий становится Северный Кавказ. Переходу российских властей в этом регионе к активным действиям предшествовала длительная полоса нерешительности. Еще в 1990-е гг. в Дагестан начинает проникать радикальный ислам. Его сторонников российская пресса объявила ваххабитами. В 1998 г. ряд сел Ботлихского района, занятых местными ваххабитами, отказались подчиняться официальным властям Дагестана и российским законам. Махачкала готова была подавить мятежников, но Москва боялась гражданской войны в Дагестане. Центральные власти предпочитали путь переговоров. В результате занятые ваххабитами села стали прибежищем проникавших в них боевиков из Чечни.

Под предлогом помощи братьям по вере чеченские сепаратисты под руководством Ш. Басаева и Хаттаба 2 августа 1999 г. вторглись в Цумадинский, а 7 августа в Ботлихский

район Дагестана. Они рассчитывали на поддержку местного населения, но оно встретило боевиков как захватчиков. Началось народное сопротивление вторжению. Свою позицию активизировала и Москва. Перелому ситуации способствовало назначение 9 августа 1999 г. нового руководителя российского правительства — В.В. Путина.

Путин исходил из представления, что без немедленного решения возникшей проблемы России как государства не станет. Однако годы разрушения российской армии не могли пройти бесследно. Ей понадобилось около месяца, чтобы освободить Дагестан как от пришлых, так и от местных вооруженных радикалов. Только 15 сентября министр обороны И.Д. Сергеев доложил о полном освобождении Дагестана от террористов. Потери боевиков ориентировочно оцениваются исследователями в 1,5–2 тыс. убитых. Существенными были и потери российской армии. Они составили 280 чел. убитыми и 987 ранеными [7, с. 525–526].

Несмотря на то, что примерно 1,5 тыс. боевиков удалось уйти в Чечню, можно говорить о достижении основных целей в Дагестане, поставленных перед военными российским руководством, — в развитии ситуации на Северном Кавказе явно произошел перелом. Как указывают в своем фундаментальном исследовании А.С. Куликов и В.А. Рунов, это был первый военный успех правительства Путина [17, с. 500]. Но финал дагестанской драмы можно расценивать и шире — это была первая победа России в новых геостратегических условиях, ставших следствием разрушения СССР.

Однако остановиться на границах Дагестана было нельзя. Во-первых, нужно было нанести удар не только по самим террористам, но также и по их тыловой инфраструктуре, а она находилась за пределами Дагестана. Во-вторых, созрела необходимость вернуть в конституционное поле РФ не только отдельные селения в Дагестане, но и Чечню. На тот момент она продолжала сохранять двойственность своего статуса. Формально Москва считала ее субъектом федерации, но по факту об этом говорить было сложно. Президент Ичкерии А. Масхадов фактически не подчинялся Кремлю.

Решение обеих указанных задач — т. е. окончательный разгром боевиков и возвращение в российское конституционное поле Чечни — пересекались: именно на территории Ичкерии существовали многочисленные базы международных террористов. Их ликвидация и стала официальной причиной переноса боевых действий на чеченскую территорию.

Сложная, к тому же застарелая чеченская проблема не могла быть устранена наскоком. Контртеррористическая операция в Чеченской республике растянулась на несколько лет. Она может быть разделена на несколько очень разнородных этапов. На первом, самом драматичном этапе действия федерального центра были не безупречны, но в целом учитывали опыт локальных конфликтов в постсоветский период. Похоже, были проанализированы и совсем недавние действия Запада в Югославии. Первоначально в сентябре 1999 г. на границах Чечни была создана зона безопасности. В ней шла концентрация сил и средств. Кроме

того, с 23 сентября начались авианалеты на важные в стратегическом отношении объекты в Чечне, включая сам Грозный. После чего в начале октября развернулась т. н. контртеррористическая операция (КТО).

По своему характеру КТО, или, как ее окрестили в СМИ, вторая чеченская война, разительно отличалась от первой. Решающее отличие было в отношении к происходящему со стороны российского руководства. Здесь можно выделить несколько нюансов. Во-первых, обозначилась очень важная для российской психо-ментальности персонализация военной власти. Если в период первой чеченской кампании Б. Ельцин, В.С. Черномырдин и даже силовые министры старались держаться от чеченской проблемы как можно дальше, то Путин, наоборот, с готовностью взял всю ответственность за действия федерального центра на себя. Ответственность, в т. ч. за кровь, которая неминуемо должна была пролиться в ходе разрастания боевых действий.

Во-вторых, власть бралась переломить ситуацию не только на фронте, но также в массовом сознании, в котором со времен первой чеченской кампании были сильны пораженческие настроения.

Наконец, в-третьих, была внятно обозначена цель КТО — полная военная победа над сепаратистами. Это был сигнал для армии — нового Хасавюрта не будет. После ухода 31 декабря 1999 г. Ельцина в отставку Путин становится и.о. президента. Надежды тех, кто рассчитывал на неудачу российских войск в Чечне и последующее поражение Путина на президентских выборах, не оправдались. После досрочных президент-

ских выборов 26 марта 2000 г. Путин вошел в Кремль уже как полноправный руководитель государства.

Изменения в позиции власти сразу же сказались и на других сторонах войны. Прежде всего, федеральные войска перестали стесняться использовать свое преимущество в тяжелом вооружении. У боевиков оно фактически отсутствовало. Возросла роль авиации, ракетных войск, артиллерии. Хотя боевые действия показали существенные недостатки в состоянии этих родов войск, тем не менее, их применение резко сократило потери российской армии [18, с. 245–247]. Большое значение имело сосредоточение информационных потоков, шедших из зоны боевых действий, в руках федеральных властей. Здесь явно видно использование опыта американцев в Ираке и Югославии. В течение нескольких месяцев удалось решить важнейшие боевые задачи, в т. ч. взять под контроль столицу республики г. Грозный.

В середине 2000 г. первый этап КТО, для которого были характерны массированные боевые действия, заканчивается. В апреле 2000 г. были обнародованы официальные данные о потерях федеральных войск: 2181 погибших, 6388 раненых [19, с. 562–563]. Второй этап хронологически был более продолжительным, растянулся на несколько лет. Но хотя диверсионная борьба боевиков с федеральными войсками продолжалась, а террористические атаки вышли за границы Чечни, на Северном Кавказе начали складываться предпосылки мирного урегулирования.

Важной базой мира на Северном Кавказе стали также успешные политические решения. В первую очередь,

речь идет о назначении 12 июня 2000 г. главой временной чеченской администрации бывшего муфтия Чечни А. Кадырова. Кадыров в прошлом являлся тем духовным деятелем, который в период первой чеченской кампании объявил России джихад. Однако потом он призвал отказаться от джихада. Назначение А. Кадырова имело позитивное практическое и символическое значение.

Когда с 0 часов 16 апреля 2009 г. режим КТО был отменен, многим не верилось, что конфликт действительно остался в прошлом. Однако совместные усилия республиканских и федеральных властей дали результат. Относительно устойчивое положение на Северном Кавказе на тот момент было восстановлено.

Проявив твердую политическую позицию, российское руководство и в дальнейшем смогло более успешно обозначать свою волю в локальных конфликтах, затрагивающих интересы страны. Причем ситуации, с которыми приходилось сталкиваться, могли быть очень разнообразными. Свидетельством этому служат события в Киргизии. В этой республике власть в начале XXI века менялась дважды. Оба раза — насильственно. В первом случае в марте 2005 г. при выборах парламента страна оказалась ввергнута в классическую оранжевую квази-революцию. Ее целью стало смещение многолетнего президента страны А. Акаева. По отношению к нему американцы хотели осуществить такую же рокировку, как и по отношению к Шеварднадзе, — заменить своего прежнего союзника на нового, более лояльного.

Протест в Киргизии не был таким мирным, как в Грузии или на Украи-

не. Столицу республики г. Бишкек потрясли погромы. Бесчинствующие толпы громили машины и магазины, кроме того, захватывались официальные учреждения. Пережившие те дни бишкекцы вспоминают: Президентский дворец — самое охраняемое, как им представлялось, здание в городе — сдался первым [20, с. 174]. Акаев принимает решение спешно перебраться за границу вместе с семьей. С подачи одного из лидеров оппозиции того времени Розы Отунбаевой (в прошлом — посла своей страны в США) события получили название «революции тюльпанов».

Однако когда ситуация в республике начала становиться более определенной, у власти вновь оказался пророссийский политик — К. Бакиев. Используя экономические трудности этой отсталой среднеазиатской страны, ошибки, допущенные новой властью, оппозиция в апреле 2010 г. свергла теперь уже самого Бакиева. Спасая свою жизнь, он бежал в Белоруссию, где и получил политическое убежище. В период наибольшего обострения криза президент Д.А. Медведев отправил в республику дополнительный воинский контингент для защиты российской авиабазы Кант и семей российских военнослужащих.

Могло показаться, что США на этот раз добились своего. На несколько месяцев страну возглавила Роза Отунбаева. Вначале она стала главой Временного правительства Киргизии, а затем — президентом Киргизии переходного периода. Но и она вынуждена была придерживаться дружественной России внешней политики. А если заглянуть на несколько лет вперед, то можно уви-

дет, что российская ориентация будет сохранена и даже усилена: на президентских выборах 30 октября 2011 г. победит А. Атамбаев, и ситуация окончательно прояснится. Именно он в 2015 г. приведет Киргизию в Евразийский экономический союз: таким на тот момент оказался финал американских усилий изолировать страну от России.

Следующим испытанием для российской внешней политики стали события 2008 г. вокруг Косово. Отказавшись прикрывать своим авторитетом натовскую агрессию против Сербии, РФ несколько ранее, в 2003 г., вернула находившихся в бывшей Югославии российских миротворцев на родину. А когда НАТО устами своего генсека Яапа де Хооп Схеффера предложила российским миротворцам вернуться, глава МИД С.Б. Иванов жестко дал понять, что Москва в этом не заинтересована. Он назвал ситуацию в Косово провалом миссии НАТО. При этом было подчеркнуто, что в сложившейся ситуации в возвращении российских миротворцев просто нет смысла. Иванов оказался прав. Запад довел дело до полного отрыва Косова от Сербии. Когда 17 февраля 2008 г. косовский парламент объявил о независимости края, Москва категорически отказалась признавать новое политическое образование, тем самым показав дипломатическую поддержку усилий Белграда, направленных на сохранение территориального единства Сербии.

Хотя России из-за допущенных в прошлом ошибок и не удалось предотвратить распад этой страны — своего главного союзника на Балканах, она смогла использовать косовский прецедент в других конфликт-

ных ситуациях. В результате победа США на Балканах обернулась для них миной замедленного действия. Первый ответный ход российской стороной был сделан на Кавказе. Здесь уже давно обсуждалось решение о признании Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Это, наконец, и оказалось осуществлено, причем, в очень непростых для РФ внешнеполитических условиях.

Стремясь развить свой косовский успех и упредить признание РФ двух отколовшихся от Грузии государств, США направляли режим М. Саакашвили на решительные действия против Абхазии и Южной Осетии. Грузинское вторжение началось фактически в момент старта Пекинской Олимпиады. В России это расценили как еще одно свидетельство цинизма американцев и их сателлитов — ведь известно, что в Древней Греции на время олимпиад прекращали все войны и конфликты. В 23 часа 30 минут 7 августа 2008 г., когда в Китае уже наступило 8 число и спортсмены готовились к торжественному открытию игр, прозвучали первые выстрелы войны. В историю она вошла как «пятидневная война», или «война 08.08.08» [21, с. 3].

Первоначально регулярной грузинской армии, которой противостояли слабо вооруженные осетинские ополченцы, сопутствовал успех. Но вскоре добровольческие отряды Южной Осетии смогли организовать отпор. Важную роль в срыве планов блицкрига сыграли российские миротворцы. Особенно жестокие бои шли в районе их постоянного базирования. По воспоминаниям командира российских миротворцев Героя России К.А. Тимермана, нападавшие не-

сколько раз пытались взять городок миротворцев штурмом, обстреливали его при помощи танков и артиллерии, но так и не смогли одолеть горстку русских солдат. Российским миротворцам удалось не только вырваться из окружения, но и вывести мирных жителей, которые укрывались в подвале их казармы [22, с. 81–86].

Не обошлось без потерь, уже 8 августа было известно о 10 погибших российских военнослужащих. Но главные потери в первые часы вторжения несли мирные жители, многие из которых имели гражданство России. Можно быть уверенным, что многочисленные жертвы среди них отнюдь не являлись случайностью. Целью Тбилиси была не просто военная победа, а вытеснение осетинского народа с исторически принадлежащих ему территорий. Об этом свидетельствует и название военного плана, разработанного грузинской стороной: «Чистое поле». После этнической чистки «чистым полем» должна была стать вся Южная Осетия.

Американцы рассчитывали, что Россия не посмеет вмешаться в вооруженный конфликт. В случае ответных действий Кремля через ООН американцы готовы были информационно и дипломатически поддерживать Саакашвили. При любом раскладе процедуры осуждения агрессоров требовали длительного времени. Американцы были убеждены, что к тому времени, когда России удастся разбудить международное сообщество, с Южной Осетией будет покончено. А после этого русские смогут протестовать сколько угодно — возвращать status quo будет поздно.

Первые несколько часов планы «молниеносной войны», казалось бы,

оправдывались. Грузинские воинские соединения продвигались к центру Цхинвала. Пропагандистское прикрытие действий Саакашвили принуждало общественность верить в то, что наступательные действия ведет не Грузия, а Россия. Но в середине дня 8 августа взорвалась настоящая информационная бомба. Российская армия действительно вошла в Южную Осетию. Через некоторое время, выполняя взятые на себя союзнические обязательства по совместной обороне, боевые действия начала Абхазия. Первейшей целью абхазской армии было Кодорское ущелье [23, с. 266].

Быстрога и соразмерность действий ВС РФ стали следствием работы разведки и военных аналитиков. Намерения Вашингтона и Тбилиси были известны. К отражению агрессии грамотно и скрытно готовились. А вот действия российской стороны для Запада оказались неожиданностью. Тем более неожиданной реакция России стала для грузинских политиков. Вступление российской армии в Южную Осетию означало конец политической карьеры Саакашвили как руководителя Грузии. Его заокеанские партнеры оказались не в состоянии оказать ему действенную помощь и отделались ритуальной критикой Москвы. Более того, по законам геополитических «игр» после «пятидневной войны» Саакашвили стал постепенно превращаться для Запада в ненужную обузу [24, с. 303].

Очень важно, что российское руководство и общество смогло учесть ошибки дагестанской и чеченских кампаний в плане информационного противоборства. Современные гибридные войны ведутся, а часто даже

выигрываются именно в медийном пространстве [25, с. 8]. На этот раз россияне — власть и граждане — заняли активную позицию. Возможно, «пятдневная война» — это первая информационная кампания, выигранная современной Россией на своем поле.

В течение пяти дней грузинская армия как реальный фактор силы в регионе перестала существовать. Только по официальным данным грузинская сторона потеряла 146 чел. убитыми, 1408 — ранеными, 70 — пропавшими без вести и около 200 — пленными. Был полностью уничтожен грузинский флот, подбито от 30 до 40 единиц бронетехники. Еще 65 танков различных модификаций, 85 единиц другой бронетехники, пять комплексов ПВО, три самоходные установки «Дана», большое число артиллерийских установок, минометов и военного автотранспорта достались российской армии в качестве трофеев. Российские потери составили 64 чел. убитыми и 323 ранеными. Было выведено из строя 7 российских танков и около 20 единиц другой бронетехники [21, с. 130–132].

Результатом допущенной Вашингтоном ошибки стало появление на политической карте мира двух новых частично признанных государств — Южной Осетии и Абхазии. Их независимость была признана Россией, хотя большинство государств не торопятся принимать подобное решение. Одним из оправдывающих действия Москвы историко-юридических казусов стал «косовский прецедент».

Итак, проделанное исследование позволило выявить и четко обозначить две линии в политике властей

Российской Федерации в зонах локальных гибридных войн. Первая из них связана с именем министра иностранных дел 1990–1996 гг. А.В. Козырева. Она сводится к преимущественно пассивной стратегии и тактике, построенной на уступках. Вторая линия, которую можно связать с председателем правительства Российской Федерации в 1998–1999 гг. Е.М. Примаковым (до этого, в 1996–1998 гг. он так же являлся министром иностранных дел), наоборот, предусматривала большую активность и готовность отстаивать национальные интересы своей страны в конфликтных зонах. Обе эти линии имеют свои корни в политике еще 1990-х гг., но если в ельцинских период преобладала линия на пассивность и уступки и только под конец его правления ситуация начала выправляться, то в 1999–2000 гг., наоборот, начинает преобладать активная, иногда выраженная наступательная линия, тогда как пассивность и уступчивость вытеснялись из арсенала руководства страны. Эта тенденция наблюдалась на протяжении всего рассмотренного периода, что должно было привести к качественным изменениям во внешней политике и оборонной сфере.

И действительно, в 2008 г. начался очередной этап современной отечественной истории. Предшествующие годы XXI века открыли для РФ новые перспективы развития. Известный украинский аналитик Р.Н. Василюшин по этому поводу заметил: «Пускай Россия еще не может соперничать с Америкой на просторах Мирового океана, но вблизи собственных границ, используя тактические и стратегические выгоды сво-

его положения, нанести катастрофический ущерб США уже способна» [26, с. 225]. Тем самым, *рост самостоятельности внешней политики Кремля*, несмотря на полную включенность Российской Федерации в процесс глобализации, *подводит практическую основу под заявления политиков о многополярном мире*. Другое дело, что в нынешних условиях переходного периода, когда решается, быть ли миру многополярным или однополярным, *одним из главных стратегических ресурсов глобального равновесия и национального благополучия становится время*. Есть ли этот ресурс у России? Как им следует распоряжаться? Это покажет уже ближайшее будущее.

Изменения позиции руководства РФ в точках нестабильности совпало с началом череды мировых экономических кризисов. Это обстоятельство на первом этапе заставило ведущие страны временно отложить решение имеющихся конфликтов, но в дальнейшем соперничество не могло не обостриться. Нестабильность ми-

ровой экономики подсказала более адекватные формы борьбы за лидирующие позиции в мире в сравнении с военно-политическими. Гибридный характер современных конфликтов позволил переместить тяжесть с силовых приемов на экономические и когнитивные. Поэтому Российской Федерации, как свидетельствуют исследования проблем *геополитики внутреннего пространства*, которые проводятся некоторыми отечественными исследователями [27, с. 114-120], требуется время не только для урегулирования вопросов внешней безопасности, но и для решения проблем внутреннего, прежде всего, экономического развития. Но не только экономического: текущий этап мирового развития, как представляется, предполагает, что *стать центрами силы и проводить результативную политику в зонах межцивилизационного напряжения смогут только государства, которые обладают сбалансированным базисом: в экономической, политической, социальной, духовной и других сферах*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Williamson, Murray, Peter, R. Mansoor*: Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press, 2012.
2. *Hoffman, Frank G*. Conflict in the 21ST century: the rise of hybrid wars. Potomac Institute for Policy Studies. Arlington, Virginia. 2007.
3. *Чураков, Д.О.* Новейшая историография противодействия современным локальным гибридным войнам со стороны истории России // Преподаватель XXI век. 2017. № 2, Ч. 2. С. 277–286.
4. *Чураков, Д.О.* Малые войны и локальные конфликты: проблемы научного дискурса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 134–146.
5. *Чураков, Д.О.* Локальные конфликты Российской Федерации и дискуссии о значении понятия «гибридная война» // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов. Вып. IX. М.: МПГУ, 2018. С. 107–114.
6. *Егорин, А.З.* Каддафи. Хроника убийства. М.: Алгоритм, 2013.
7. *Жирохов, М.* Семена Распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

8. *Дзарасов, Р.С.* За лучшую долю! Украинский кризис сквозь призму мир-системного подхода. М.: ЛЕНАНД, 2016.
9. *Курылев, К.П.* Украинский кризис и международная безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2018.
10. Что надо знать о «цветных революциях». Учебное пособие / под общ. ред. А.Б. Ананченко; 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
11. *Кара-Мурза, С.Г.* Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили. М.: Эксмо, 2005.
12. *Смирнов, А.* Проект Новороссия. История русской окраины. М.: Эксмо, 2015.
13. Что надо знать о «цветных революциях». Учебное пособие для студентов вузов / под общ. ред. А.Б. Ананченко. М., 2016.
14. *Ретинский, С.Г.* Донбасс в мировом противостоянии. Классовый подход. М.: ЛЕНАНД, 2020.
15. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М.: Звонница-МГ, 2005.
16. *Гуськова, Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013.
17. *Куликов, А.С., Рунов В.А.* Все Кавказские войны России. М.: Эксмо, 2013.
18. *Жуков, Д.* Войны на руинах СССР. М.: Эксмо, 2010.
19. *Рунов, В.* Чистилище Афгана и Чечни. М.: Эксмо, 2012.
20. *Зыгарь, М.* Война и миф. М., СПб.: Питер, 2007.
21. *Джадан, И.* Пятидневная война. Россия принуждает к миру. М.: Европа, 2008.
22. *Ковылков, А.А.* Записки с войны. Южная Осетия. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
23. *Захаров, В.А., Арешев, А.Г., Семерикова, Е.Г.* Абхазия и Южная Осетия после признания. Исторический и современный аспект. М.: Русская панорама, 2010.
24. *Леонтьев, М., Жуков, Д.* «Независимая» Грузия: бандит в тигровой шкуре. М.: Яуза-пресс, 2008.
25. *Жаров, М., Шевяков, Т.* Хроники информационной войны. М.: Европа, 2009.
26. *Василишин, Р.Н.* Империя. СПб.: Питер, 2011.
27. *Матвеева, А.М.* Геополитика внутреннего пространства как направление русской геополитической школы и методология истории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 114–120.

REFERENCES

1. *Balkanskiy uzel, ili Rossiya i "yugoslavskiy faktor" v kontekste politiki velikikh derzhav na Balkanakh v XX veke.* Moscow, Zvonnitsa-MG, 2005. (in Russian)
2. *Chto nado znat o "tsvetnykh revolyutsiyakh",* Uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov, ed. A.B. Ananchenko. Moscow, 2016. (in Russian)
3. *Chto nado znat o "tsvetnykh revolyutsiyakh",* Uchebnoye posobiye, ed. A.B. Ananchenko, 2-ye izd., ispr. i dop. Moscow, 2018. (in Russian)
4. Curakov D.O. Lokalnye konflikty Rossijskoj Federacii i diskussii o značenii ponjatija "gibridnaja vojna", *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezdisciplinarnogo sinteza: Sbornik naucnyh trudov*, Vypusk IX. Moscow, MPGU, 2018, pp. 107–114. (in Russian)
5. Curakov D.O. Malye vojny i lokalnye konflikty: problemy naučnogo diskursa, *Lokus: ljudi, obsestvo, kultury, smysly*, 2018, No. 4, pp. 134–146. (in Russian)
6. Curakov D.O. Novejsaja istoriografija protivodejstvija sovremennym lokalnym gibridnym vojnám so storony istorii Rossii, *Prepodavatel XXI vek*, 2017, No. 2, Ch. 2, pp. 277–286. (in Russian)

7. Dzarasov R.S. *Za luchshuyu dolyu! Ukrainskiy krizis skvoz prizmu mir-sistemnogo podkhoda*. Moscow, LENAND, 2016. (in Russian)
8. Dzhadan I. *Pyatidnevnyaya voyna. Rossiya prinuzhdayet k miru*. Moscow, Yevropa, 2008. (in Russian)
9. Guskova Ye. Yu. *Agressiya NATO protiv Yugoslavii v 1999 godu i protsess mirnogo uregulirovaniya*. Moscow, Indrik, 2013. (in Russian)
10. Hoffman Frank G. *Conflict in the 21ST century: the rise of hybrid wars*. Arlington, Virginia, Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
11. Kara-Murza S.G. *Eksport revolyutsii. Yushchenko, Saakashvili*. Moscow, Eksmo, 2005. (in Russian)
12. Kovytkov A.A. *Zapiski s voyny. Yuzhnaya Osetiya*. Rostov-na-Donu, Feniks, 2008. (in Russian)
13. Kulikov A.S., Runov V.A. *Vse Kavkazskiyе voyny Rossii*. Moscow, Eksmo, 2013. (in Russian)
14. Kurylov K.P. *Ukrainskiy krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost*. Moscow, LENAND, 2018. (in Russian)
15. Leontyev M., Zhukov D. *“Nezavisimaya” Gruzija: bandit v tigrovoy shkure*. Moscow, Yauza-press, 2008. (in Russian)
16. Matveyeva A.M. Geopolitika vnutrennego prostranstva kak napravleniye russkoy geopoliticheskoy shkoly i metodologiya istorii, *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, 2017, T. 9, No. 6–2, pp. 114–120 (in Russian)
17. Murray, Williamson, Mansoor, Peter R. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge University Press, 2012.
18. Retinskiy S.G. *Donbass v mirovom protivostoyanii. Klassovyy podkhod*. Moscow, LENAND, 2020. (in Russian)
19. Runov V. *Chistolishche Afgana i Chechni*. Moscow, Eksmo, 2012. (in Russian)
20. Smirnov A. *Proyekt Novorossiya. Istoriya russkoy okrainy*. Moscow, Eksmo, 2015. (in Russian)
21. Vasilishin R.N. *Imperiya*. Saint-Petersburg, Piter, 2011. (in Russian)
22. Yegorin A.Z. *Kaddafi. Khronika ubiystva*. Moscow, Algoritm, 2013. (in Russian)
23. Zakharov V.A., Areshev A.G., Semerikova Ye.G. *Abkhaziya i Yuzhnaya Osetiya posle priznaniya. Istoricheskiy i sovremennyy aspect*. Moscow, Russkaya panorama, 2010. (in Russian)
24. Zharov M., Shevyakov T. *Khroniki informatsionnoy voyny*. Moscow, Yevropa, 2009. (in Russian)
25. Zhirokhov M. *Semena Raspada: voyny i konflikty na territorii byvshego SSSR*. Saint-Petersburg, BKHV-Peterburg, 2012. (in Russian)
26. Zhukov D. *Voyny na ruinaх SSSR*. Moscow, Eksmo, 2010. (in Russian)
27. Zygar M. *Voyna i mif*. Moscow, Saint-Petersburg, Piter, 2007. (in Russian)

Чураков Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, профессор, кафедра новейшей отечественной истории, Московский педагогический государственный университет, histor@inbox.ru

Churakov D.O., ScD in History, Professor, Contemporary Russian History Department, Moscow Pedagogical State University, histor@inbox.ru